

УДК 94(73)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/20

РУСИНЫ В УМЕ И СЕРДЦЕ РУССКОГО ИСТОРИКА (НА ПРИМЕРЕ Г.В. ВЕРНАДСКОГО И А.В. ФЛОРОВСКОГО)*

А.Ю. Дворниченко

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

Авторское резюме

В статье рассматривается очень важная и актуальная тема: отношение русских историков XX в. к русинам. На примере двух друзей – выдающихся историков-эмигрантов Г.В. Вернадского и А.В. Флоровского – показано, что интерес к русинам обычно зарождался в детстве и ранней юности, а потом сохранялся до конца жизни. В случае Вернадского огромную роль в этом сыграл его отец – выдающийся русский ученый и мыслитель В.И. Вернадский. Георгий написал свое первое сочинение о русинах в самом начале своей научной карьеры и продолжал интересоваться этой темой на протяжении жизни в эмиграции – и в Праге, и в США. Флоровский увлекся русинской тематикой, еще будучи преподавателем Новороссийского университета. Он продолжал работать по этой теме и в эмиграции в Праге. Автор использует свежие историографические и архивные материалы.

Ключевые слова: историки-эмигранты, русины, В.И. Вернадский, Г.В. Вернадский, А.В. Флоровский, руснаки, И.С. Орлай.

---

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.». Проект № 19-18-00073.

THE RUSINS IN THE MIND AND HEART OF THE RUSSIAN HISTORIAN (A CASE STUDY OF G.V. VERNADSKY AND A.V. FLOROVSKY*

A.Y. Dvornichenko

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

Abstract

This article deals with the very important and actual theme: the attitude of Russian historians to the Rusins. A case study of two friends – prominent Russian émigré historians G.V. Vernadsky and A.V. Florovsky – shows that the interest to the Rusins usually appeared in childhood and early youth and remained up to the end of the life. Vernadsky was greatly influenced by his father – the great Russian scientist and thinker V.I. Vernadsky. George wrote his first work on the Rusins at the beginning of his career and kept on doing research on this theme throughout his entire life in the emigration in Prague and the USA. Florovsky became interested in the Rusins when he was a teacher at Novorossiysk University. He continued to work on this theme in exile in Prague. The author draws on new historiographic and archival materials.

Keywords: émigré historians, Rusins, V.I. Vernadsky, G.V. Vernadsky, A.V. Florovsky, Rusnak, I.S. Orlay.

Русины всегда были и остаются особой темой для русского автора, будь он историк, литератор или специалист в какой-либо другой сфере гуманитарного знания. На этой теме – ответ столетий взаимной симпатии и любви, стремления не только понять, восстановить историю народа, но и защитить его, выразить сердечную боль по поводу трагичной и такой близкой истории. Русины переживают, по словам канадского ученого П.Р. Магочия, одного из ведущих исследователей проблем Закарпатья, свое третье национальное Возрождение и активно борются за признание национальной идентичности и автономии. Интересно исследовать вопрос, какое место занимали русины в мировоззрении русских эмигрантских историков.

---

*The study is supported by Grant of the Russian Science Foundation “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Public Thought of the 19th – 20th Centuries.” Project Nr. 19-18-00073.

Данная тема изучена явно недостаточно. М.Ю. Досталь остановилась на той борьбе, которая велась в русской и украинской эмиграции в Чехословакии между сторонниками «народного» (по существу – украинского) и «традиционного» литературного языка (т. е. русифицированного церковнославянского, а потом и великорусского языка) (Досталь 1997: 68). Изучение языковой ситуации в регионе и участие в этом русских эмигрантов в 20-е гг. привлекали внимание К.Б. Егоровой (Егорова 2016). Мы хотим избрать другой ракурс и показать на примере только двух, но очень близких друг другу эмигрантов – Г.В. Вернадского и А.В. Флоровского, каково было их отношение к феномену русинов. Эти фигуры, конечно, не подменяют собой всего сообщества русских и украинских историков в эмиграции, но, благодаря своим талантам, они и типичны, и оригинальны одновременно.

Их связывала многолетняя крепкая дружба. Вернадский всячески способствовал появлению Флоровского в Праге в рамках знаменитой теперь «русской акции». В Чехословакии историки плодотворно сотрудничали. После отъезда Вернадского в США в 1927 г. дружба продолжалась в основном по переписке. Как и в случае с другими корреспондентами, это была своего рода творческая лаборатория: историки делились планами, давали друг другу советы. В 1968 г. в Нью-Хейвене ударом для Вернадского стала весть о смерти Флоровского в далекой Праге. В статье, посвященной его памяти, Вернадский писал: «Талантливый человек широкого кругозора и разнообразных интересов Антоний Васильевич всю жизнь посвятил неустанному научному творчеству» (Вернадский 1968). Эти слова, кстати, вполне можно отнести и к самому Вернадскому.

Интерес к русинам у совсем молодого человека зародился под влиянием отца – знаменитого ученого и мыслителя Владимира Ивановича Вернадского. Плодотворное влияние отца в детстве и юношестве со временем сменилось не менее конструктивным общением, которое также можно определить как своего рода творческую лабораторию. Отец был в курсе всех мыслей и идей сына, мудро и дальновидно направлял их в истинно научное русло, тем более что история всегда была близка и любезна сердцу великого натуралиста.

Сам он с детства увлекся Угорской Русью. В дневниках (Вернадский 1994; Вернадский 1999) он не раз говорил, что часто думает об Угорской Руси, чувствует ее, понимает ее значение и размышляет о тяжелой судьбе этого форпоста русского племени (6 июня 1918 г.). Его привлекала идея защиты Угорской Руси (10 июня 1918 г.), он сетовал на то, что удивительно мало знания о ней у натуралистов (20 июня 1918 г.), вспоминал разговоры с Драгомановым, который считал защиту края своей святой обязанностью (30 ноября

1918 г.) и надеялся на возрождение Угорской Руси, в отличие от Грушевского (с ним Вернадский тоже разговаривал), который в него не верил. Его впечатлило создание автономии Карпатской Руси в Чехии (30 ноября 1919 г.).

Из дневников мы узнаем, что у него это увлечение было от отца¹. Выясняется, что он все время собирал литературу о русинах, а отец выписывал журналы «Свет» или «Слово», там издававшиеся, а также украинскую литературу (30 ноября 1919 г.). «Свет» Владимир читал в детстве в Харькове (13/26 апреля 1920 г.).

В 1923 г. (3 июля) он вспоминал разговоры с отцом об Угорской Руси – «старые славянские интересы отца 1840-х гг.». Перед ним возникали многочисленные обрывки прочитанного. И еще один важный штрих, который можно извлечь из дневников: с одной стороны, Вернадский считал эту область первой русской областью, вышедшей из анархии (30 ноября 1919 г.), но с другой – связывал будущее региона с украинским движением – лишь бы оно не порвало с Россией (6 июня 1918 г.). В 1920 г. он наблюдал старые русофильские настроения, которые коренились в интеллигенции и, может быть, в народе. В то же время допускал (судя по записи в дневнике, это отразилось в статье, к сожалению, утраченной, которая была сдана в «Донскую речь»), что Угорская Русь может сделаться украинским центром и одновременно ареной борьбы русского и украинского течений (13/26 апреля 1920 г.). Но при этом он надеялся, что произойдет примирение. Во всяком случае, в 1924 г. он говорил и о возрождении Украины, и о сохранении Угорской Руси (5 сентября).

Вернадский не забыл отметить, что по его настоянию Георгий написал статью об Угорской Руси. В наследии великого ученого есть незаконченная статья на ту же тему. Она хранится в архиве, но в последние годы несколько раз публиковалась (Мазурок, Пеняк, Шевера 2003; Вчені Росії 2009)². Статья возникла как отклик на публикацию в «Русской мысли» за 1880 г. «Голос из Угорской Руси», в которой с болью говорилось о притеснениях властей и звучало обращение к российской власти поддержать русинов и по возможности даже предоставить им территорию для нормального проживания – в Крыму, европейской части России или даже в Сибири.

Мы не будем подробно пересказывать содержание этой неоконченной статьи. Она была написана молодым Владимиром Вернадским в 1880–1885 гг. Мы видим сложную гамму чувств, переживаемых молодым ученым. Русское общество, не привыкшее к самостоятельной деятельности и к тому, чтобы брать инициативу в свои руки, как будто забыло, что в другом государстве живут русские, не великороссы, правда, но русские. Политические условия России таковы, что ни

русский народ в России, ни русские в Австро-Венгрии не очень-то желают воссоединения. Но это не может помешать родственным чувствам, политические границы не могут разорвать их. В России не могут не звучать обида и негодование при известиях об угнетении и возможной смерти части родного народа. И там уже раздался вопль отчаяния...

Вернадский старается понять, как «часть родного народа» дошла до такого положения, и в то же время разобраться в причинах возрождения Угорской Руси – ведь к концу XVIII ст. для русинов все, как казалось, было потеряно. Возрождение угрорусов (так называет Владимир Иванович русинов), как и других народов, началось с разработки истории и развития либеральных идей.

Угнетение со стороны венгров привело к тому, что угрорусы помогали сначала австрийцам, а потом и русским в их борьбе с венграми. Автор довольно много внимания уделяет знаменитому венгерскому походу российской армии. И хоть положительного влияния русская армия оказать не могла – «шла старая армейщина», зато угрорусы узнали о существовании могущественного, едиnorodного им народа.

Рассматривая далее деятельность русинских просветителей, ученый показал, сколь сложной была ситуация, когда мадьяры (русские сторонники мадьяр) воспользовались «украинофильством», чтобы бороться с русским влиянием.

Мыслитель не разделяет русских и украинцев и считает, что, если Россия не погибнет (а он в этом убежден), «вопрос обустроится правильно». В письме сыну он с болью писал (в связи с тяжелым положением Угорской Руси): «...гибель или несвободное проявление своего в какой-нибудь части русского племени есть, так или иначе, искажение его облика. Все равно как исчезновение какой-нибудь формы жизни – насильственное». Он призывал украинцев и русских в Праге сплотиться, иначе украинцы уйдут в самостийничество и частью полонизируются (BARa: 11).

При таком внимании и любви отца к русинам неудивительно, что ими в самом начале своей научной карьеры увлекся сын. В уже упомянутой статье, дав полновесный для того времени обзор историографии, историк отметил, что, несмотря на длинный ряд исследований, посвященных угрорусской национальности, остается еще много неясного и загадочного во всем ее этническом облике. Русские поселения в Карпатах существуют очень долгое время, но, к сожалению, за минувшие века русскому народу не удалось создать там особого государства и цельной национальной культуры. Но угрорусский народ сумел отстоять свое существование. Правда, здесь произошло то, что и в современной Георгии Владимировичу Юго-

Западной Руси за время ее принадлежности Польше, – полонизация элиты. Русинские верхи тоже быстро омадярились, русский язык в школе и среди духовенства начинает уступать место латыни, а в начале XIX в. мадьяризации подверглось и духовенство (Вернадский 1915a: 5–7).

Историк восхищается некой тайной этой истории: казалось бы, к середине XIX в. угрорусская культура и вовсе была стерта с лица земли, но именно на то время пришлось попытки ее возрождения. Важную роль тут сыграли события революции 1848 г., которая относительно проста и ясна для Франции, но в высшей степени сложна и запутана для Австрии. Вроде бы схема должна быть такой: Австрия в союзе со славянами выступает против венгров. Но между славянами не было должного единства. Да и русская знать, судя по всему, понимания не проявляла: известны пирушки русских офицеров с венграми (победители пировали с побежденными). И сама венгерская революция, которая была делом преимущественно социальных верхов, вовсе не означала национального самоопределения для немадьярских народов, наоборот, мадьяризация усилилась. Отсюда, кстати, проистекала хорватская революция (Вернадский 1915b: 8–9).

Непростыми оказались отношения угрорусов и с российскими войсками. Для русинов появление солдат Паскевича для защиты Австрии, очевидно, доказывало возможность союза между русским движением в Карпатах и венским правительством. Вот почему один из крупнейших русинских общественных деятелей Адольф Иванович Добрянский стал главным интендантом австрийского государства при русских войсках. Венгры очень опасались возможного сценария, но организационного слияния между армией Паскевича и угрорусским населением не произошло. И дело даже не в том, что русские офицеры пировали с венгерскими. Русины встретили русскую армию с доверием. Но русские офицеры и солдаты не были расположены к ответной доверчивости уже потому, что мало знали о «руснаках». Само их существование было непонятно для многих участников похода. Что пришли немцев за уши вытаскивать – это понятно. А при чем здесь славяне, да еще и «руснаки», во владениях венгров?

Однако поход длился недолго. И если не установилось настоящего понимания, то не могло накопиться и серьезной горечи. Осталось воспоминание об общей родственной силе, готовой откуда-то прийти в нужную минуту: ведь русские спасли от мадьярского пана! Впечатления от русского вмешательства ярко отразились в народных песнях Угорской Руси, которые довольно широко цитируются Вернадским (Вернадский 1915b: 10–11).

Поражение венгерской революции казалось первое время победой угрорусского национального движения. В октябре 1849 г. Франц-Иосиф сочувственно принимал в Вене делегацию от Угорской Руси. Адольф Добрянский вынашивал идею установления близкой связи между угрорусским народом и венским двором, хотел ввести Угорскую Русь в работу австрийского правительственного механизма и таким образом порвать с Венгрией. Это нашло сочувствие при дворе, где искали союзников для дальнейшей борьбы с мадьярами. Добрянский был назначен наджупаном четырех угрорусских комитатов (Вернадский 1915b: 13–14).

Вокруг него и священника Александра Духновича образовался круг людей, стремившихся создать полноправную угрорусскую письменность. Одно стихотворение Духновича («Я русин был, есмь и буду») стало знаменитым. Другой литературный деятель, молодой священник Мукачевской епархии Раковский добился разрешения издавать в Будапеште «Церковную газету». Литературная деятельность Добрянского и Духновича наткнулась, однако, на значительные препятствия – внутренние и внешние. В мучительной борьбе с собственным пером создавали угрорусские писатели свою поэзию и прозу.

Вместе с тем право творить на русском они защищали от украинско-народного направления, усилившегося в ходе национального возрождения Галиции. Внешние обстоятельства делали возможным и русское, и украинское национальное движение в Угорской Руси. Уже в 50-е гг. австрийское правительство стало стеснять деятельность Добрянского и Духновича³. Свое сближение с русинскими комитатами венское правительство поспешило использовать для проникновения немецкого элемента в Венгрии. Добрянского перевели в Вену. Но и германизация была не очень долгой. Уже с начала 60-х гг. имела место мадьяризация Угорской Руси. В 1867 г., когда окончательно возник дуализм Австро-Венгрии, край оказался в полном распоряжении мадьяр, наблюдалась последовательная и неуклонная мадьяризация. Наступил застой в национальной жизни, усилился поток эмигрантов в США. Так постепенно замирало пламя национального возрождения Угорской Руси, ярко вспыхнувшее в 1849 г.

Закончил свою статью Георгий словами о том, что Драгоманов когда-то дал Аннибалу клятву: делать хоть что-нибудь для Угорской Руси и ее народа. Эта клятва после его смерти была забыта. Кто знает, может быть, теперь о ней вспомнят. Обстоятельства неожиданно сблизили 1849 и 1914 гг., и ставить точку в развитии угрорусской народности еще рано (Вернадский 1915a: 17). Пиетет к М.П. Драгоманову, который Георгий Владимирович испытывал всю жизнь, был во многом связан именно с его позицией в русинском вопросе.

Статья молодого историка подкупает, с одной стороны, глубокой привязанностью к русинам, с другой – тем, что он не хотел лакировать историческую действительность, показывал ее во всей сложности и многозначности. Он отнюдь не был квасным патриотом – видел недостатки и в политике своей страны. Впрочем, не стоит забывать и о том, что в то время происходил очередной всплеск интереса к политической борьбе – не такой, конечно, как в 1905–1907 гг., но значительный.

В другой статье того времени ученый писал: «Если бы Россия придерживалась определенной славянской политики, она могла бы быть затронута венгерской революцией, поскольку речь шла о судьбе Угорской Руси и других славян Венгрии». Но под руководством К.В. Нессельроде такой целенаправленной политики не было. Само существование угорских руснаков явилось неожиданностью для офицеров русской армии (Вернадский 1915b: 82).

С того времени и на всю жизнь русины стали своего рода талисманом, который всегда был с Георгием Вернадским, в его сердце. Кстати, незадолго до того, как покинуть этот мир, историк сделал этой статье изящный «апгрейт» и поместил ее в сборник, посвященный 60-летию друга и коллеги из Пуэрто-Рико (*Überlieferung und Auftrag* 1972).

Свою любовь к русинам историк увез собой и в эмиграцию. К сожалению, в Праге он еще не вел дневников. Сохранилось письмо М.А. Критского⁴, в котором он спрашивает Г. Вернадского: «Что это Вы делали в Карпатской Руси? Наверное, там много любопытного. Буду очень рад, если поделитесь впечатлениями» (BARb: 43)⁵. Мы досадно мало знаем об этой поездке. Георгий и его жена Нина переехали в Прагу из Афин в феврале 1922 г. Еще только обосновавшись на берегах Влтавы, Георгий отправился туда, где хотел побывать с юности. Письмо, кстати, свидетельствует о широком интересе русских к Карпатской Руси. Интерес Критского – типичного представителя русской эмиграции – можно сказать, своего рода лакмусовая бумажка, свидетельствующая о степени его заинтересованности.

Вполне возможно, что выезжал историк не только для того, чтобы своими глазами увидеть столь увлекавший его с детства мир. Он активно и плодотворно работал в области образования. Родник образовательной деятельности русской эмиграции пробивался в то время и здесь. Правда, «русских эмигрантов там было наперечет и, тем не менее, средняя посещаемость лекций была значительно выше» (Савицкий 2001/2002: 125). Возможно, Георгий был послан с некой инспекцией или для обмена опытом, но, определенно, он использовал эту поездку, чтобы получить все от встречи со своей юношеской мечтой.

Самое удивительное, что эту любовь историк перенес и через океан. Уже перед самой войной Г. Вернадский, опираясь на свои грандиозные знания, написал интересную статью о европейской «зоне беспокойства», которой, по его мнению, к тому времени стали не Балканы (хотя и там напряжение сохранялось), а страны Центральной Европы. Он показывает, что проблемы этих стран уходят далеко в прошлое. Включение в великие империи имело и благоприятные, и неблагоприятные последствия. Австрия, например, начала с угнетения национальностей, а пришла к идее автономии; Россия же двигалась в противоположном направлении (Vernadsky 1939: 258). Бывали, впрочем, и периоды самостоятельности (Польша, Венгрия и др.).

Историк объясняет судьбу этих государств тем, что экономика их носила аграрный характер, отличалась чертой, которую не совсем верно называют «феодализмом». Если на Западе крепостничество исчезло довольно рано, то в странах к востоку от Эльбы оно задержалось еще на несколько столетий (Vernadsky 1939: 262–263). Эти страны часто становились жертвой соседних могущественных государств, но и сами (например, Польша) иной раз имели империалистические замыслы. Версальский договор заложил под эти государства мину замедленного действия. Судьба их теперь зависит от победы в войне. Если победит Германия, то она сделает из них протектораты, подобные Богемии.

Что в конечном итоге ожидать от нынешней политики России, неясно. Если победят Британия и Франция, то они планируют независимость этих государств. Хотя это не значит, что все будет легко. Историк рисовалась некая федерация по примеру Швейцарии. Эта федерация могла бы в первую очередь включить в себя Польшу, Богемию и Моравию, Словакию, «Карпато-Украину» и Венгрию. Под Польшей подразумевается собственно Польша – область, где поляки составляют большинство населения. Западная Украина и Западная Белоруссия находятся в орбите Белоруссии и Украины. Но «Карпато-Украина», которая никогда не была частью России, принадлежит Центральной Европе географически и должна принадлежать ей политически. Включение Румынии очень важно, т. к. это позволило бы контролировать низовья Дуная и иметь выход в Черное море. Но появляется проблема с политическим устройством, ведь Румыния – монархия. Впрочем, есть и многие другие вопросы в связи с этой конфедерацией (Vernadsky 1939: 270–272).

На такой подход к «Карпато-Украине» русского историка обратил внимание прекрасный знаток творчества Георгия Вернадского американский историк Ч. Дж. Гальперин (Halperin 1985: 100). Дейст-

вительно, это на первый взгляд кажется странным: Евразия, о которой так много рассуждал Вернадский, включает в себя и Украину, и Белоруссию, но не «Карпато-Украину». Как объяснить этот феномен? Вопрос нуждается в дальнейшем изучении, но, на наш взгляд, нельзя здесь не заметить удивительной прозорливости русского историка, как будто предвидевшего нынешнее новое русинское возрождение, остро ставящее под вопрос пребывание «Карпато-Украины» в составе сегодняшней Украины.

Вернадский любил страны и регионы Восточной (Центральной Восточной) Европы, но его любовь с юных лет – Закарпатская Русь. Даже наблюдая у рецензируемого автора яркую картину российской цивилизации, он призывал не забывать о «современной культуре поляков, чехов и других славян», имея в виду любимых русинов (Vernadsky 1948).

Большой информативный курс историк прочитал в Колумбийском университете в 1944–1945 гг. Особый интерес для характеристики взглядов Вернадского в то время представляет завершающая лекция (15 января 1945 г.). Он рисует весьма яркую и, что особенно важно, сочувственную по отношению к СССР и его политике картину. Ее не портит и присоединение прибалтийских республик: они ведь не аннексированы, и в любом случае если не политическая, то культурная автономия им точно гарантирована. Вернадский был не против присоединения и Закарпатья: в конце концов, карпатские русины всегда были недовольны политикой Чехословакии (BARC: 96).

Предположительно в 1938 г. Георгий написал статью «Князь Трубецкой и украинский вопрос» (Дворниченко 2015), которая была опубликована лишь недавно. Она начинается с бесспорного утверждения о том, что «украинский вопрос является одним из самых сложных и болезненных вопросов в истории русского самопознания». Для разрешения украинского вопроса не подходит ни программа механического и принудительного «единства», ни механический разрыв между двумя народами и двумя культурами. Вопрос может быть разрешен лишь на почве добровольного и единодушного единения, признания каждым из двух народов ценности и свободы не только своей культуры, но и культуры другого, взаимного уважения и взаимного интереса.

Далее историк пишет о том, что русский и украинский народы не только имеют один корень, но и вместе проделали уже большой исторический путь и добились громадных исторических результатов. Именно в сотрудничестве русские и украинцы создали великое государство, великий союз народов Россию-Евразию, самодовлеющий материк. Если отрезать от этого материка Украину в географическом смысле в границах нынешней Украинской Советской Республики,

как того хотят крайние самостийники, то это губительно для Украины и украинской культуры. Это было бы искусственное ограничение деятельности украинского народа, он был бы загнан в узкие провинциальные рамки, тогда как исторически перед ним, как и перед народом русским, открыта вся Евразия.

Ни в коем случае нельзя забывать общие украинско-русские культурные основы. Необходимо единение, понимание друг друга, сотрудничество друг с другом, уважение друг к другу. Общим делом могло бы стать возрождение Карпатской Руси. Украинское дело в Карпатах есть русское дело!

Творчество А.В. Флоровского хорошо изученным не назовешь. Тут явно нужна солидная монография. Проблемами истории Карпатской Руси историк увлекся, будучи в Одессе, где служил в Новороссийском университете. Уже тогда он заинтересовался жизнью и деятельностью Ивана Семеновича Орлая. В одесском издании вышла статья, где фигурировали этот выдающийся русин и его заметки (Флоровский 1912: 15–18).

И вот, уже в эмиграции в Праге в 1928 г. Флоровский развивает свои наблюдения (Досталь 2011): все эти трудные годы он не забывал об Орлае, помнил о русинах! Иван Семенович Орлай – выдающийся деятель русинского просвещения (Кубасов 1905). Он, пожалуй, больше всех сделал для того, чтобы познакомить русское общество с положением своей родины (Свенцицкий 1906: 292).

По мнению крупного знатока проблемы И.С. Свенцицкого, «деятельность Орлая в России... можно определить как одно из самых живых культурных звеньев, соединявших в первой трети XIX в. Карпатскую Русь с Россией» (Свенцицкий 1906: 297). В наши дни изучением жизни и творчества И.С. Орлая плодотворно занимается профессор из Ужгорода Д.Д. Данилюк. Им опубликована большая часть научного наследия Орлая (Иван Семенович Орлай 2007). Немало страниц ученый посвятил творчеству Орлая и в своей книге об исторической мысли Закарпатья (Данилюк 2009).

Для сотрудников Санкт-Петербургского государственного университета Орлай особенно интересен. Дело в том, что он не только написал две статьи по истории Карпатской Руси и установил контакт с современными ему учеными-этнографами (З. Ходаковским и П.И. Кеппеном)⁶, чем, собственно, и содействовал пробуждению интереса у русских ученых к Карпатской Руси. И.С. Орлай был непосредственно причастен к вызову карпаторусских ученых М.А. Балугьянского, В.Г. Кукольника и П.Д. Лодия⁷ в Россию. Каждая из этих фигур интересна. Но нам наиболее интересен Михаил Андреевич Балугьянский, который стал первым ректором преобразованного в 1819 г. Петер-

бургского университета (Косачевская 1971). Именно Орлай сделал больше всех для прибытия этого славного деятеля в Петербург.

Флоровский извлек из архива канцелярии одесского градоначальника интереснейший документ – записки И.С. Орлая. Историк написал об этих записках статью, хранящуюся в архиве РАН. В архивных документах отмечено, что статья опубликована в Карпатской Руси, скорее всего, в Ужгороде. Нам пока не удалось найти следы той публикации, что, в общем-то, неудивительно, если учесть годы, когда это происходило. Так что статья изучена по архивному оригиналу. Он, похоже, не привлекал внимания исследователей. Во всяком случае, в довольно содержательном обзоре архива историка эта статья даже не упомянута (Лаптева 2014).

Статья написана к столетию со дня смерти Орлая (умер в феврале 1829 г.). Интересно само происхождение заметок Орлая. Дело в том, что в последний период его жизни (конец 1828 г.) с обязанностями в знаменитом Ришельевском лицее он совмещал должность цензора. По поручению одесского градоначальника он изучил партию иностранных книг, присланных на имя одного кишиневского жителя. Среди книг был французский словарь (Mac Carthy T. *Nouveau dictionnaire géographique universelle*. Paris, 1824). Цензор сразу решил, что передавать его адресату нельзя, поскольку в словаре шла речь (подумать только!) об убийстве Павла Первого и была какая-то не очень приличная ремарка в адрес дворца российского государя (АРАН: 2 – 3). Это сейчас кажется неким курьезом, ведь вся эта предосудительная информация занимает не более половины страницы и явно теряется на фоне более чем тысячи страниц сочинения, но так тогда работала цензура.

Покончив со своими должностными обязанностями, цензор преобразился в критика, установив, что вдобавок к неуместным выражениям «сочинитель обнаружил свое невежество в знаниях исторических». Очень внимательно, с большим интересом просматривал Орлай все справки французского автора о его родном крае и живо отзывался по поводу неточностей и неправильных сведений. Мы, конечно, не будем подробно пересказывать статью Флоровского, но важнейшие моменты, связанные прежде всего с русинами, осветить стоит.

Орлай отметил, что хорошая географическая книга есть драгоценное приобретение в ученом свете (АРАН: 4). Но француз явно не в ладах со «статистикой»: пишет об университете в Киеве (правда, не совсем понятно, о каком университете идет речь – университет Св. Владимира был создан в 40-е гг.), но не упоминает о Казанском, Харьковском, Санкт-Петербургском.

Раскритиковав мнение французского автора о том, что казаки делятся на малороссийских и донцов (или татар), он просвещает нас и касательно галичан. Дело в том, что француз заявил, что галичане и поляки характером сходны. С этим Орлай категорически не согласен, ибо известно, что «первые суть настоящие русские: они населяют Галицию везде, начиная с Молдавии даже до р. Сан, вытекающей из Карпатских гор и впадающей в Вислу». В столичном городе Галиции Львове имеет резиденцию митрополит Галицкий и всея России (так называвался прежде). Флоровский отмечает, что об этом Орлай писал и в 1826 г. Простой народ говорит в Галиции на русском киевском наречии, а дворянство – по-польски и по-немецки (АРАН: 5–6).

Удивило Орлая и утверждение француза (Т. Мак-Карти) о том, что в Польше есть униаты-греки и неуниаты (или православные). Униаты в этих землях не греки, а русские, принадлежавшие к Червонной Руси. Исправляет Орлай француза и в вопросе происхождения венгров: они имеют разные корни со славянами, и язык их не славянский, а гуннский, сходный с разными финскими наречиями (АРАН: 7–8). Орлай погружается в историю венгров и даже здесь находит место для русских. Оказывается, угры – гуннский народ, жили они у Алтайских гор, потом переселились на Кавказ, а оттуда в IX в. вместе с русскими завладели Паннонией (АРАН: 7).

Русские не только во всем участвовали, но и знания у них большие. Так, француз говорит о том, что Афины находятся в Морее, но русские наверняка знают, что город Афины расположен в Ливадии, или древней Аттике.

Конечно, интереснее всего мнение Орлая о русинах. Он отмечает, что француз пишет о русских, обитавших в Высшей Венгрии в Карпатских горах. Автор словаря называет их русняками и полагает, что они переселились из Червонной Руси. Орлай дает свой комментарий: это, конечно, карпаторусы, которые переселились не из Червонной Руси, а вместе с венграми прибыли из окрестностей Киева. В то время они составляли 700 000 тыс. жителей, управляемых тремя епископами. Они говорили на чистом русском киевском наречии и не находились в столь грубом невежестве, как полагал сей писатель, и столь просвещены, что уже при Петре II в качестве наставника был русин Зейкан. Другой русин Дмитрий Череч – воспитатель эрцгерцога Австрийского, один из лучших литераторов на венгерском языке (АРАН: 9). Если бы г. Мак-Карти воспользовался творениями сего русского, в т. ч. «Географическим словарем», то не сделал бы столько непростительных ошибок о Венгрии.

Орлай очень боялся «подражания» французу со стороны писателей в России. И так-то уже в статистических описаниях некоторых губер-

ний «полагаются жители поляки, а в них малороссияне находятся» (АРАН: 11). В «Кратком общем землеописании» для уездных училищ, изданном при Департаменте народного просвещения, Орлай также обнаружил несообразность. Там описываются «...народные племена славян, к которым принадлежат россияне, русы или руснаки. Как будто россияне, русы и нововыдуманные русняки – не одно и то же!». В такую же ошибку впал и П. Кеппен, который писал о *Russnijkjen Land* – земле русняков.

В том, что Галиция никогда не называлась «землей русняков», можно убедиться, если посмотреть венгерские и польские летописи, изданные до присоединения к Австрии. Не случайно Бюшинг⁸ в «Географии» называет Галицию Малой Россией. Древние летописи подтверждают, что галичане принадлежали Владимиру Великому, а по смерти его были управляемы удельными князьями и имели неоднократные с уграми и поляками войны и всегда были известны под названиями *русские* или *русины*, а в летописях на латинском языке – *Rutheni* или *Russi*. Червонная Русь принадлежала Великой Руси, пока Казимир Великий не овладел этой русской областью (АРАН: 12).

Возникла даже своего рода дискуссия с участием как Орлая, так и Флоровского. Последний заметил, что в 1804 г. в своей «Истории о Карпато-Руси» Орлай сам говорил об «имени руснаки» (от реки Русны) (АРАН: 13). В то же время Флоровский отметил, что против имени «руснаки» протестовал Лавровский в письме к Кеппену в 1823 г.⁹ Решительно оспаривал слово «руснак» уже почти через сто лет после этого М. Возняк во Львовском «украинско-русском архиве» (Львов, 1910. Т. V. С. 65–69).

Нам, собственно, не так важна истина в данном споре, сколько такое пристальное внимание русских историков к этой теме. Во всяком случае, мы убедились в том, что как для Вернадского, так и для его друга и собрата по историческому цеху Флоровского русины на протяжении десятилетий их творческой жизни были постоянной темой, наполненной богатым содержанием, борьбой идей. Дальнейшее изучение творчества русских историков-эмигрантов может открыть тут новые горизонты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отец Владимира Ивановича Иван Васильевич Вернадский – выпускник Киевского университета, защитил магистерскую диссертацию в Петербургском университете, служил в Московском университете, затем переехал в Петербург, где посвятил себя государственной

службе. Был широко известен своей журналистской, научной, педагогической и общественной деятельностью.

2. См. также: Вчені Росії 2009. Есть и рецензия на последнее издание (Досталь 2010). Правда, на с. 88 удивляет следующий пассаж о статье Владимира Ивановича: «Статья написана в духе общерусского единства, в ней не содержится никаких грез Вернадского о воссоединении украинского народа по двум сторонам Днепра, как это отмечается в комментариях составителей (с. 513)».

3. О научных взглядах А. Духновича и А. Добрянского см. в: Данилюк 1997: 163–173; Данилюк 2009.

4. Критский Михаил Александрович (1882–1969) – из дворян Владимирской губернии. Выпускник юридического факультета Московского университета, учился и на историко-филологическом факультете, но не закончил курс. Пошел добровольцем на фронт, участвовал в Белом движении, был помощником Кутепова и вместе с ним отправился в эмиграцию. С Георгием Вернадским познакомился в Крыму в Горной Щели через своего друга М.А. Бакунина. После гибели Кутепова в 1930 г., а с ним и надежд на скорую военную интервенцию в СССР Критский стал заниматься описанием военных батальонов и торговлей книжным антиквариатом. Похоронен на Сент-Женевьев-де-Буа.

5. Письмо опубликовано М.Ю. Сорокиной («Там так легко дышится...» 2004).

6. Доленга-Ходаковский Зориан (Адам Чарноцкий) (1784–1825) – славяновед, археолог, фольклорист, этнограф и диалектолог; Петр Иванович Кеппен (1793–1864) – русский ученый немецкого происхождения, действительный статский советник, академик Петербургской академии наук.

7. Лодий Петр Дмитриевич (1764–1828) – русин, известный юрист; Кукольник Василий Григорьевич (1765–1821) – русин, видный ученый и педагог.

8. Бюшинг Антон Фридрих (1724–1793) – германский ученый, автор богословских, педагогических, географических и биографических трудов. В данном случае, видимо, имеется в виду знаменитое «Землеписание» («Erdbeschreibung»), которое было издано в Германии и по частям издавалось в России.

9. По-видимому, тут ошибка, т. к. как оба брата-славяноведа Н.А. Лавровский и П.А. Лавровский родились после 1923 г. (Славяноведение в дореволюционной России 1979: 212–213).

ЛИТЕРАТУРА

АРАН – Архив Российской академии наук (АРАН) // АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–14. Флоровский А.В. Статья «Заметки И.С. Орлая о Карпатской Руси (1828)».

Вернадский 1994 – *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев: Наукова думка, 1994. 274 с.

Вернадский В.И. 1999 – *Вернадский В.И.* Дневники: Март 1921 – август 1925. 2-е изд. М.: Наука, 1999. 213 с.

Вернадский Г.В. 1915а – *Вернадский Г.В.* Угорская Русь и ее возрождение в середине XIX в. // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы (Год издания III) / Под ред. С.П. Мельгунова и В.И. Семевского. 1915. № 3. Март. С. 5–17.

Вернадский Г.В. 1915b – *Вернадский Г.В.* Венгерский поход 1849 года // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Год 36. Кн. 2. М.; Пг., 1915. С. 78–88.

Вернадский Г.В. 1968 – *Вернадский Г.В.* Памяти А. В. Флоровского (1884–1968) // Новое русское слово. 18 апреля 1968. С. 3.

Вчені Росії 2009 – Вчені Росії про Закарпаття / Упоряд.: О.С. Мазурок, І.О. Мандрик; Ужгород: нац. ун-т. Ужгород, 2009. 520 с.

Данилюк 1997 – *Данилюк Д.Д.* Історія Закарпаття в біографіях і портретах (з давніх часів до початку XX ст.). Ужгород: Патент, 1997. 289 с.

Данилюк 2009 – *Данилюк Д.Д.* Історична думка на Закарпатті епохи національного відродження (кінець XVIII – середина XIX ст.). Ужгород: Інформ-вид. центр ЗІППО, 2009. 392 с.

Дворниченко 2015 – *Дворниченко А.Ю.* Г.В. Вернадский об Украине и украинском вопросе (к публикации статьи Г.В. Вернадского «Князь Трубецкой и украинский вопрос») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 2. 2015. С. 57–79.

Досталь 1997 – *Досталь М.Ю.* Проблемы закарпатского национального возрождения в трудах русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии // Славяноведение. 1997. № 6. С. 67–72.

Досталь 2010 – *Досталь М.Ю.* Рец.: [Вчені Росії про Закарпаття: Із карпатознавчої спадщини. Ужгород, 2009] // Славяноведение. 2010. № 6. С. 86–88.

Досталь 2011 – *Досталь М.Ю.* Историк-эмигрант А.В. Фроловский в Чехословакии: страницы научного творчества // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 80–87.

Егорова 2016 – *Егорова К.Б.* Подкарпатская Русь в контексте культурного многоязычия первой Чехословацкой Республики // Вестник СПбГУ. История. 2016. Вып. 4. С. 198–210.

Косачевская 1971 – *Косачевская Е.М.* Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 271 с.

Кубасов 1905 – *Кубасов Ив.* Иван Семенович Орлай (Orlay de Carva) // Русский биографический словарь. Обезьяников – Очкин. Издан под наблю-

дением председателя Императорского русского исторического общества А.А. Половцова. СПб., 1905. С. 309–312.

Иван Семенович Орлай 2007 – Иван Семенович Орлай. З наукової спадщини / Ужгородський національний ун-т. Інститут україністики ім. Михайла Мольнара. Кафедра історії України; упоряд. Д. Д. Данилюк. Вид. 2-е, доп. Ужгород: КП «Ужгородська міська друкарня», 2007. 192 с.

Лаптева 2014 – *Лаптева Т.Н.* Научное наследие А.В. Флоровского в Архиве РАН // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 270–287.

Мазурок, Пеняк, Шевера 2003 – *Мазурок О., Пеняк П., Шевера М.* Володимир Вернадський про Угорську Русь. Ужгород, 2003. 94 с.

Савицкий 2001/2002 – *Савицкий И.* «Русский Оксфорд» в Праге 1919–1928 // Записки русской академической группы в США. Т. XXXI: Русская Прага 1920–1945. New York, 2001/2002. С. 87–115.

Свенцицкий 1906 – *Свенцицкий И.С.* Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в первую половину XIX в. Памяти Александра Николаевича Пыпина // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук 1906. Тома XI-го книжка 3-я. СПб., 1906. С. 259–367.

Славяноведение в дореволюционной России 1979 – Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь / Отв. ред. В.А. Дьяков. М.: Наука, 1979. 429 с.

«Там так легко дышится...» 2004 – «Там так легко дышится...»: Из американского архива Георгия Вернадского / Публикация и примечания М.Ю. Сорокиной // Диаспора: Новые материалы. М.; СПб., 2004. Вып. 6. С. 620–696.

Флоровский 1912 – *Флоровский А.В.* Из одесской старины. Одесса, 1912. 18 с.

BARa – Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR) // George Vernadsky Papers (GVP). Box. 11.

BARb – Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR) // George Vernadsky Papers (GVP). Box. 43. М. Критский – Г. Вернадскому. 1 октября 1922.

BARc – Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR) // George Vernadsky Papers (GVP). Box. 96. Lectures on Contemporary Russia.

Halperin 1985 – *Halperin Charles J.* Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1985. Otto Harrassowitz. Wiesbaden. Bd. 36. P. 55–194.

Überlieferung und Auftrag – Überlieferung und Auftrag. Festschrift für Michael de Ferdinandy zum 60. Geburtstag. Wiesbaden: Verlag Pressler, 1972.

Vernadsky 1939 – *Vernadsky G.* European Trouble Zone // The Yale Review. 1939. December. Vol. XXIX, № 2. P. 248–272.

Vernadsky 1948 – *Vernadsky G.* Review [S.H. Cross. Slavic Civilization through the Ages. Edited, with a foreword, by Leonid I. Strakhovsky. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1948] // Speculum. 1948. July. Vol. 23, № 3. P. 482–484.

REFERENCES

- Florovsky, A.V. (1828) *Stat'ya "Zametki I.S. Orlaya o Karpatskoy Rusi (1828)"* [The article "Notes of I.S. Orlayon Carpatian Rus (1828)"]. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1609. List 1. File 21.
- Vernadsky, V.I. (1994) *Dnevniky 1917–1921. Oktyabr' 1917 – yanvar' 1920* [Diaries from 1917 to 1921. October 1917 – January 1920]. Kyiv: Naukova dumka.
- Vernadsky, V.I. (1999) *Dnevniky: Mart 1921 – avgust 1925* [Diaries: March 1921 – August 1925]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
- Vernadsky, G.V. (1915a) Ugorskaya Rus' i ee vozrozhdenie v seredine XIX v. [Ugic Rus and its revival in the mid-nineteenth century]. *Golos minuvshogo. Zhurnal istorii i istorii literatury*. 3. pp. 5–17.
- Vernadsky, G.V. (1915b) Vengerskiy pokhod 1849 goda [The Hungarian campaign of 1849]. *Russkaya mysl'*. 36(2). pp. 78–88.
- Vernadsky, G.V. (1968) Pamyati A.V. Florovskogo (1884–1968) [The Memory of A.V. Florovsky (1884–1968)]. *Novoe russkoe slovo*. 18th April. pp. 3.
- Mazurok, O.S. & Mandrik, I.O. (eds) (2009) *Vcheni Rosii pro Zakarpattya* [Russian scientists on Subcarpathia]. Uzhhorod: Uzhhorod National Institute.
- Danilyuk, D.D. (1997) *Istoriya Zakarpattya v biografiyakh i portretakh (z davnikh chasiv do pochatku XX st.)* [History of Transcarpathia in biographies and portraits (from ancient times to the beginning of the twentieth century)]. Uzhhorod: Patent.
- Danilyuk, D.D. (2009) *Istorichna dumka na Zakarpatti epokhi natsional'nogo vidrodzhennya (kinets' XVIII – seredina XIX st.)* [Historical thought in Transcarpathia of the epoch of national revival (the end of the 18th – the middle of the 19th century)]. Uzhhorod: Inform-vid. centr.
- Dvornichenko, A.Yu. (2015) G.V. Vernadskiy ob Ukraine i ukrainskom voprose (k publikatsii stat'i G.V. Vernadskogo "Knyaz' Trubetskoy i ukrainskiy vopros") [G.V. Vernadsky about Ukraine and the Ukrainian question (articles by G.V. Vernadsky "Prince Trubetskoy and the Ukrainian question")]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya*. 2. pp. 57–79.
- Dostal, M.Yu. (1997) Problemy zakarpatskogo natsional'nogo vrozozhdeniya v trudakh russkikh i ukrainskikh emigrantov v mezhvoennoy Chekhoslovakii [Problems of the Transcarpathian national revival in the works of Russian and Ukrainian emigrants in interwar Czechoslovakia]. *Slavyanovedenie*. 6. pp. 67–72.
- Dostal, M.Yu. (2010) Rets.: [Vcheni Rosii pro Zakarpattya: Iz karpatoznnavchoi spadshchini. Uzhgorod, 2009] [Review: Russian scientists on Subcarpathia. Uzhhorod, 2009]. *Slavyanovedenie*. 6. pp. 86–88.
- Dostal, M.Yu. (2011) Istorik-emigrant A.V. Frolovskiy v Chekhoslovakii: strani-tsy nauchnogo tvorchestva [Emigre historian A.V. Florovsky in Czechoslovakia: pages of scientific creativity]. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 28. pp. 80–87.
- Egorova, K.B. (2016) Podkarpatskaya Rus' v kontekste kul'turnogo mnogoyazychiya pervoy Chekhoslovatskoy Respubliki [Subcarpathian Rus in the context

of cultural multilingualism of the first Czechoslovak Republic]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya*. 4. pp. 198–210.

Kosachevskaya, E.M. (1971) *Mikhail Andreevich Balug'yanskiy i Peterburgskiy universitet pervoy chetverti XIX v.* [Michael A. Balaganskii and the University of St. Petersburg in the first quarter of the 19th century]. Leningrad: Leningrad State University.

Kubasov, Iv. (1905) Ivan Semenovich Orlay (Orlay de Carva) [Ivan Semenovich Orly]. In: Polovtsov, A.A. (ed.) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographic Dictionary]. St. Petersburg: Imperial Russian Historic Society. pp. 309–312.

Danilyuk, D.D. (2007) *Ivan Semenovich Orlej. Z naukovoї spadshchini* [Ivan Semenovich Orly. From the scientific heritage]. Uzhhorod: Uzhhorod National University.

Lapteva, T.N. (2014) Scientific heritage of A.V. Florovsky in the Archive of the RAS. *Vestnik arhivista*. 1. pp. 270–287 (in Russian).

Mazurok, O., Penyak, P. & Shavera, M. (2003) *Volodimir Vernadskiy pro Ugors'ku Rus'* [Vladimir Vernadsky about Uhorska Rus']. Uzhhorod: [s.n.].

Savitskiy, I. (2001/2002) "Russkiy Oksford" v Prage 1919–1928 ["Russian Oxford" in Prague 1919–1928]. In: Arseniev, N.S. et al. (eds) *Zapiski russkoy akademicheskoy gruppy v SShA* [Transactions of the Association of Russian-American scholars in the USA]. Vol. 31. New York: Russian Academic Group. pp. 87–115.

Sventsitskiy, I.S. (1906) Obzor snosheniy Karpatskoy Rusi s Rossiey v pervuyu polovinu XIX v. Pamyati Aleksandra Nikolaevicha Pypina [An overview of the relations of Carpathian Rus to Russia in the first half of the 19th century. In memory of Alexander N. Pypin]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii Nauk*. 11(3). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 259–367.

Dyakov, V.A. (ed.) (1979) *Slavyanovedenie v dorevolyutsionnoy Rossii. Biobibliograficheskiy slovar'* [Slavic studies in pre-revolutionary Russia. A bio-bibliographic dictionary]. Moscow: Nauka.

Sorokina, M.Yu. (ed.) (2004) "Tam tak legko dyshitsya...": Iz amerikanskogo arkhiva Georgiya Vernadskogo ["It is so easy to breathe...": From the American archives of George Vernadsky]. *Diaspora: Novye materialy*. 6. pp. 620–696.

Florovsky, A.V. (1912) *Iz odesskoy stariny* [Old times in Odessa]. Odessa: [s.n.].

The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). *George Vernadsky Papers (GVP)*. Box. 11.

The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). *George Vernadsky Papers (GVP)*. Box. 43. M. Kritsky – G. Vernadsky. 1st October. 1922.

The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). *George Vernadsky Papers (GVP)*. Box. 96. Lectures on Contemporary Russia.

Halperin, Ch.J. (1985) Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 36. pp. 55–194.

Gerhard, J. (ed.) (1972) *Überlieferung und Auftrag. Festschrift für Michael de Ferdinandy zum 60. Geburtstag*. Wiesbaden: Verlag Pressler.

Vernadsky, G.V. (1939) European Trouble Zone. *The Yale Review*. 29(2). pp. 248–272.

Vernadsky, G.V. (1948) Review [S. H. Cross. Slavic Civilization through the Ages.

Edited, with a foreword, by Leonid I. Strakhovsky. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1948]. *Speculum*. 23(3). pp. 482–484.

Дворниченко Андрей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Andrey Yu. Dvornichenko – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru